

⁹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 7. № 5063; *Голицын Н. Н.* История русского законодательства о евреях. Т. 1. СПб., 1886. С. 284.

¹⁰ ПСЗ. Собр. 1. Т. 7. С. 782.

¹¹ РГАДА. Ф. 276 (Коммерц-коллегия). Оп. 1. Д. 1737. Л. 4–5.

¹² Там же. Л. 10–11.

¹³ ПСЗ. Собр. 1. Т. 8. № 5324. § 14.

¹⁴ Там же. С. 80.

¹⁵ Там же. Т. 9. № 8169.

¹⁶ Там же. С. 183–184.

¹⁷ См.: *Голицын Н. Н.* История русского законодательства... С. 26–27; *Шугуров М. Ф.* История евреев в России. С. 75–76.

¹⁸ ПСЗ. Собр. 1. Т. 9. № 6610. § 21; № 6614. § 14.

¹⁹ Там же. С. 387, 398.

²⁰ Там же. Т. 11. № 8673. С. 727.

²¹ См.: *Градовский Н. Д.* Отношения к евреям в древней и современной Руси. Ч. 1. СПб., 1891. С. 434–435.

²² См.: *Орианский И. Г.* Евреи в России: Очерки и исслед. Вып. 1. СПб., 1872. С. 85–86; *Клиер Дж. Д.* Россия собирает своих евреев: Происхождение евр. вопроса в России: 1772–1825. М.; Jerusalem, 2000. С. 57, 63.

²³ ПСЗ. Собр. 1. Т. 11. № 8840. С. 982–983; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век / Сост. П. Баранов. Т. 3. СПб., 1878. С. 138 (№ 9157. 1743 г., 16 декабря. Высочайше утвержденный доклад Сената о воспрещении жидам въезда в Россию и во все пограничные города для купеческого промысла и торгова на ярмарках, согласно указу от 2 декабря 1742 г.).

²⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т. 12. № 8867; *Голицын Н. Н.* История русского законодательства... С. 297–298.

²⁵ РГАДА. Ф. 276. Оп. 3. Д. 592. Л. 1 об.

²⁶ Там же. Л. 5.

²⁷ См.: *Орианский И. Г.* 1) Евреи в России. С. 278; 2) Русское законодательство о евреях: Очерки и исслед. СПб., 1877. С. 247–248; *Демидов Сан-Дonato П. П.* Еврейский вопрос в России. СПб., 1883. С. 10; *Голицын Н. Н.* История русского законодательства... С. 57–59; *Клиер Дж. Д.* Россия собирает своих евреев. С. 64–65.

²⁸ ПСЗ. Собр. 1. Т. 16. № 11 720; *Голицын Н. Н.* История русского законодательства... С. 311.

Л. Б. Сукина

ТОРГОВЫЙ ЧЕЛОВЕК РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

(по письменным и изобразительным источникам XVI–XVII вв.)

В XVI–XVII вв. на авансцену русской истории выходит купечество. Его крупнейшие представители не только играют определяющую роль в развитии экономики страны, формировании национального рынка, но и выполняют функции торговых, а нередко и дипломатических, представителей государства, занимают высокие позиции в обществе, влияя на разные стороны его жизни.

В последние десятилетия в отечественной историографии всем этим сторонам купеческой деятельности уделялось определенное внимание. Социокультурный тип русского купца позднего Средневековья и раннего Нового времени достаточно полно охарактеризован Л. А. Черной¹. Но некоторые аспекты бытия и сознания торгового человека XVI–XVII вв. остаются вне поля зрения исследователей. В данной работе рассматриваются его представления о смерти и посмертной судьбе души.

Известно, что в торговых, хозяйственных и семейных делах, несмотря на предписания «Домостроя», купец далеко не всегда отягощал себя моральными размышлениями и ограничениями, но также, как и его современники, он не мог совсем забыть о том, что за порогом земного существования придется отвечать за содеянное, и душа, «пущенная в ад» за богатством, не всегда может быть спасена. Образ смерти в период «осени средневековья», как показал еще Й. Хейзинга, занимал существенное место в сознании человека и постоянно напоминал о себе². Как и везде, в Русском государстве XVI–XVII вв. накопление солидных капиталов не гарантировало торговым людям независимости и безопасности. Можно привести немало примеров, когда власть лишала даже самых богатых и знатных из них не только состояния, но и жизни, и погибнуть с отягощенной грехами душой они имели больше шансов, чем многие другие. Деятельность торгового человека была связана и с другими опасностями: внезапной смертью от рук разбойников, от тяжелой болезни, застигшей в поездке за товарами, гибелью во время кораблекрушения и т. п. Поэтому забота о посмертной судьбе собственной души и душ близких людей занимала значительное место в купеческом благочестии.

Представления малой эсхатологии в XVI–XVII вв. были сконцентрированы в текстах предисловий к синодикам — поминальным книгам, использовавшимся в церковном богослужении и в качестве нравственно-учительного чтения. Многие из них были снабжены большим количеством миниатюр, наглядно представляющим загробные муки грешников и блаженства чистой души. Но, как явствует из большинства текстов синодичных предисловий, далеко не каждый человек, в силу различных жизненных обстоятельств и несовершенства своей натуры, способен избежать соблазнов и «злоговарных поступков» и соблюдать свою душу в девственной чистоте. Особенно это касается представителей тех социальных слоев, чья жизнь связана с исполнением административных функций, торговлей, прибыльным ремеслом, ростовщичеством, использованием чужого труда. И даже вера и молитва не способны оградить их от неминуемого наказания за несправедный образ жизни.

Категорическому осуждению в синодике подвергаются богатство и скупость. Оно восходит к евангельской традиции, издревле чтимой на Руси: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут. Но собирайте себе сокровища на небе, где ни

моль, ни ржа не истребляет и где воры не подкопывают и не крадут. Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Матф. 6; 19–21).

Обязательной для литературной части предисловия синодиков была притча «О трех друзьях» из «Повести о Варлааме и Иоасафе». Первый из земных друзей человека — «пагубное богатство» отвергает своего товарища, с которым приключилась беда, обратившись к несчастному со следующими словами: «Се праздную днешь с тобой потружатися, в печале бо и аз и в напастех впад, в скорби есмь. Обаче мало с тобой пойду, аще обаче на ползу ти не буду и скоро обращаюся от тебе zde, своими печалми пекийся»³, — и продолжает весело пировать за уставленным яствами и напитками столом. «Немилостливый» богач прожигает свою жизнь в празднествах и не замечает неимущих, которые докучают ему просьбами о помощи. Расплата за такое нарушение норм благочестия — адские муки.

К приобретению богатства нечестным путем грешника как раз часто подталкивает «второй пагубный друг» — семья и ближайшее окружение, в стремлении угодить которым он не замечает антихристианской сущности своих поступков. Особенно сложно было удержаться от такого грехопадения торговому человеку, наживавшему деньги и имущество не только трудом и способностями, но и хитростью, изворотливостью, приспособленчеством к желаниям и потребностям власть имущих. Об этом говорится не только в синодиках, но и в произведениях «новой» литературы XVII в. («Повесть о Карпе Сутулове», «Повесть о Василии Кориотском» и др.). Поэтому в синодики служилых людей, занимавших заметные чиновничьи должности, зажиточных «посадских» и купцов (эти книги писались по заказу представителей этих сословных групп или предназначались для храмов, ктиторами которых они были в то время) в изобилии включались разнообразные тексты о пагубном влиянии денег и земного успеха. Эти «литературные фрагменты» должны были побуждать «делового человека» допетровской Руси, поведение и нравственность которого еще не были жестко регламентированы государственными законами и императорскими указами, к праведной жизни в духе средневековой традиции, с оглядкой на Священное Писание и поучения Отцов Церкви.

Особой популярностью у составителей синодиков пользовались повести о ростовщиках Ионе и Щиле. Герой первой из них, Ион, не смог устоять перед соблазном присвоить деньги своего умершего товарища-купца, которые тот просил отдать в церковь на помин души. Совершить грех Иона уговорил явившийся ему «ангел сатанин». На миниатюрах синодиков XVII в. Ион изображен бражничающим со своими приятелями — «такими же, как он грабителями, немилостивцами, неподатливыми» на поминальный вклад друга. Он не видит, что сзади к нему самому подбирается смерть с косой. Судьба самого Иона оказалась незавидной. Он вскоре умер, а его вдова снова вышла замуж и растратила все его богатство на пиры и увеселения со своим новым супругом⁴.

Сказание о посаднике Щиле имело русское, новгородское происхождение. Вероятно, оно привлекало «реальностью» персонажа и мотивации его поступков. «Повесть о Щиле» включалась почти во все синодичные предисловия, известны и отдельные ее списки, в том числе лицевые⁵.

По предположению Н. И. Костомарова, Олоний (Леонтий) Щил или Шил в начале XIV в. был посадником в Новгороде и занимался ростовщичеством. На скопленное «неправедное богатство» он, мучимый угрызениями совести, решил построить монастырь во имя Покрова Богородицы. Но новгородский архиепископ отказался от освящения главного монастырского храма и, согласно преданию, назначил Щилу наказание: отпеть себя заживо во вновь построенной церкви. Во время обряда гроб с телом Щила провалился в преисподнюю и возвратился только после сорокоуста в сорока церквях Новгорода и раздачи сыном несчастного ростовщика отцовского наследства в виде милостыни всем нуждающимся. Посадник, испытавший муки ада, получил отпущение грехов и был похоронен по православному обряду. Щилов Покровский мужской монастырь был известен до 1725 г. и находился недалеко от Новгорода в урочище Дубенки (Дубно) на правом берегу Волхова⁶.

Лицевые списки сказания о Щиле, как отдельные, так и в составе синодиков иллюстрировались обильно и подробно: каждый поворот сюжета удастаивался отдельной миниатюрой, а то и нескольких. Наиболее сложные сюжетные ходы сопровождались миниатюрой, в которой совмещалось несколько последовательно происходивших эпизодов (как правило, это действия сына Щила, замаливающего отцовские грехи). Возможно, таким способом составители синодиков хотели подчеркнуть нравоучительную ценность этого Сказания для состоятельного русского человека — их современника.

В синодичных предисловиях кроме опасностей и греховных соблазнов, подстерегавших купцов на пути к праведной кончине и небесному духовному блаженству, указывались и пути к спасению. Основные из них: строительство церковей, благотворительность в пользу храмов и монастырей, милостыня нищим, социальная поддержка больных, инвалидов, узников тюрем, выкуп пленников из иноземного рабства. Все эти возможности, кстати, зафиксированные в качестве обязанностей благочестивого православного христианина в уложении Стоглавого собора 1551 г., в синодичных предисловиях представлены в яркой литературной форме, а в лицевых синодиках часто и в визуальных образах миниатюр. Поминальные части синодиков и вкладные книги монастырей показывают, что торговые люди были одними из наиболее усердных вкладчиков. Если в XVI в. купеческая благотворительность в пользу церкви еще не получила значительного развития в силу определенной ограниченности финансовых и социальных возможностей этой группы населения (на этом фоне деятельность семьи Строгановых выглядит беспрецедентной), то в XVII столетии, в основном, на купеческие деньги на посадах крупных русских городов строятся многочисленные каменные хра-

мы (Ярославль, Кострома, Вологда, Нижний Новгород и др.). Несомненно, такие нерациональные траты самого рационального слоя русского социума того времени были вызваны страхом перед наказанием за несправедную жизнь не столько на земле, сколько на небесах.

Притчи и повести синодичных предисловий при ответе на вопрос, как можно достичь спасения, указывают и на то, что о душе торгового человека должны заботиться, в первую очередь, его близкие родственники, а также его деловые партнеры и члены купеческой корпорации. Именно семья — сын и жена спасают душу посадника Щила от адских мук.

Но рациональному разуму торговца, вероятно, было не просто смириться с тем обстоятельством, что он должен часть своих средств вместо того, чтобы вложить их в дело, потратить на заботу о чем-то посмертном блаженстве. К этому его могли подвинуть только прочные семейные традиции благочестия, особые обстоятельства или надежда получить воздаяние за свой поступок не только в будущем, но и в настоящем. В «купеческой» литературе позднего Средневековья даются примеры награды за благочестивые поступки не только после смерти, но еще при жизни. Так в повести XVII столетия «О купце, купившем мертвое тело и ставшем царем» рассказывается о купеческом сыне, отправившемся за море за товаром и вместо торговой сделки совершившем подвиг благочестия⁷. На все имевшиеся у него деньги юноша выкупил у некоего ростовщика — «жидовина» тело христианина, которое «жидовин немилостивый» три дня «влачил по торжищу». Благочестивый торговец еще и занял сто рублей у других купцов на достойные похороны покойного. После этого «неразумного» поступка, откровенно осуждаемого и осмеянного его товарищами, купеческого сына ждали разорение и всяческие беды, но «благодарный покойник», чья душа нашла успокоение на небесах, заступился за него перед Господом, и в финале повести представлено торжество христианской справедливости. К сыну купеческому является ангел, чтобы даровать ему за «добродетель» «царство и богатство».

Но полностью положиться на семью и товарищей, а уж тем более на благочестие и совесть посторонних людей, могли немногие. Слишком велик был соблазн воспользоваться всем имуществом умершего, и не делиться им с церковью. В этих условиях торговец должен был, в первую очередь, сам позаботиться о будущем своей души. Вероятно, этим объясняется передача купцами в конце жизни больших сумм в церкви и монастыри, нередко в ущерб собственным наследникам. В этом отношении показательной является история известного вологодского гостя Гаврилы Мартыновича Фетиева⁸. Застигнутый болезнью в Архангельске, он составил духовную грамоту, по которой большая часть его недвижимости отходила Владимирской церкви Вологды, значительные вклады полагались пригородным монастырям, а семье доставались лишь жалкие крохи его несметного по тем временам богат-

ства⁹. Предвидя возможное недовольство, Фетиев назначил душеприказчиком не своего зятя — влиятельного московского дьяка Льва Протопопова, а доверенного человека, холопа Дмитрия Березина, которого перед этим отпустил на свободу. Расчет Фетиева оправдался. Березин, несмотря на угрозы быть убитым или искалеченным, настоял на исполнении предсмертной воли своего бывшего господина и обеспечил ему «вечное поминание» в вологодских храмах и монастырях.

Признавая, что истинная жизнь ждет праведного христианина только на небесах, торговый человек умел ценить вместе с тем и свои земные успехи. При этом он вполне отдавал себе отчет в том, что путь к ним зачастую лежал через вынужденные сделки с совестью, поэтому купец старался оправдать собственное богатство перед богом и людьми, апеллируя к покровительству святых и чуду. Стенопись церкви Николая Надеина в Ярославле, выполненная в 1640–1641 гг. артелью костромских, московских, нижегородских и ярославских мастеров под руководством костромича Любима Агеева, свидетельствует о том, как пытался найти баланс между земным и небесным ее заказчик, много лет ходивший под страхом смерти гость Надей Светешников¹⁰. Выходец из ярославского посада Светешников разбогател благодаря своей энергии и предприимчивости. География его деятельности впечатляет даже и в сегодняшнее время: закупка пушнины на Севере, медные рудники на Каме, солеварни на Волге от Костромы до Самары, лавки в Ярославле. Надей был торговым агентом царя Михаила Федоровича по закупке русских и иноземных товаров для царского домашнего обихода, вел ссудно-кредитные операции с государственной казной. Свое быстрое возвышение Светешников, вероятно, воспринимал отчасти как чудо и божье попущение, но и тревожился о том, как все это будет оценено на Страшном Суде, да и земными судьями тоже.

Все стены главного храма и частично приделов заняты композициями со сценами жития и чудес Николая Чудотворца — «простолюдина» из Мир Ликийских, ставшего епископом. Еще одна из первых исследовательниц этих росписей В. Г. Брюсова подметила, что большинство чудес Николая на фресках Надеинской церкви связано с золотом: «О юноше, нашедшем злато», «О золотом кубке, брошенном в море и обретенном по милости Николая», «Об обнищавшем монастыре, его же обогати златом» и др.¹¹ В композициях чудес святой Николай часто представлен с мешком золота в руках: он то раздает золото нуждающимся, то поощряет им за добрые дела. Брюсова считала, что сюжет «О юноше, нашедшем злато», рассказывающий о судьбе бедного пастуха, у которого монахи отняли найденный клад, а его самого пытались утопить в море (только вмешательство святого спасло его от неминуемой гибели), иллюстрирует реальные события противостояния разбогатевшей верхушки ярославского посада и местных монастырей в борьбе за монастыр-

ские слободы¹². В данном конкретном случае апелляция Надеи Светешникова к примерам из жития чрезвычайно почитаемого на Руси, особенно в торговой среде, святого и намек на собственную благотворительную деятельность (ярославский гость немало денег и ценностей раздал в церкви и нищим) не смогла изменить его личную судьбу. Недоброжелатели купца воспользовались тем, что он, в конце концов, не смог вовремя расплатиться с долгами, и Светешников трагически закончил жизнь в Москве «на правеже». Вскоре после гибели Надеи, а затем и смерти его сына, не сумевшего возродить семейное дело, купеческий род Светешниковых прекратил свое существование.

«Биографический» и эсхатологический смысл имеют и чудеса в росписях церкви Ильи Прока, построенной в 1650 г. ярославскими купцами — братьями Вонифатием и Иоанникием Скрипиными. Расписан храм артелью костромского мастера Гурия Никитина с участием ярославских иконописцев по заказу вдовы Вонифатия Иулиты Скрипиной в 1680–1681 гг.

Судьба одного из богатейших родов ярославских купцов сложилась драматично. Несмотря на то, что у родителей храмоздателей Ильинской церкви Иоанна и Феодоры было шесть детей, семья быстро утонула. Бесплодные браки и ранняя смерть наследников привели к тому, что после смерти Иулиты Скрипиной и ее племянника Иллариона с маленьким сыном Иоанном в 1682–1683 гг. их родовое прозвище больше не встречалось в источниках¹³.

Трагическое ощущение заката рода и боль последней надежды звучат в композициях чудес пророка Ильи и его ученика Елисея. Среди них предпочтение отдается чудесам исцелений и воскрешений, «божественным даром» которых были наделены оба пророка: «Чудесное воскрешение сына Сарептской вдовы», «Чудесное воскрешение отрока (сына Сонамитянки)», «Исцеление от проказы сирийского военачальника Неемана» и др. Возможно, и посвящение самой церкви было продиктовано этим обстоятельством. Исцелительно-воскресительная тема раскрывается целым рядом сюжетов не только Ильинского, но и Христорогического цикла и Деяний апостолов.

Наиболее подробно иллюстрирован в стенописи сюжет о чуде Елисея с сыном Сонамитянки. В пяти композициях последовательно рассказывается история о том, как Елисей помогает бесплодной женщине родить ребенка, но вымоленное чадо внезапно заболевает и умирает, тогда, вновь поддавшись на мольбы безутешных родителей, Елисей совершает второе чудо — чудо воскрешения. Вероятно, какой-то особый смысл заказчики и составители программы росписи храма вложили и в последнюю композицию, завершающую цикл росписей с деяниями Елисея. Это больше нигде не встречающееся в иконографии апокрифическое «Чудо Ильи в Нижнем Новгороде», где Илья спас от смерти некоего купца, и, по замечанию В. Г. Брюсовой, «обращающее библейскую историю к русскому культу»¹⁴.

Итак, отношение русского торгового человека XVI–XVII вв. к смерти отличалось определенным своеобразием. Для него, как и социума того времени в целом, смерть была неизбежным переходом от полной превратностей, страхов и страданий телесной земной жизни к истинному блаженству души на небесах. Но о таком будущем для души нужно было позаботиться заранее. Богатому купцу трудно было избежать греховных соблазнов, дел и помыслов на земле, но праведными поступками он мог освободить свою душу от адских мук. Однако выбор этих поступков был обусловлен самосознанием торговца и делового человека. Значительное материальное состояние позволяло купцам сосредоточиться на той сфере благочестия, которая была связана со строительством храмов, вкладами в церкви и монастыри. Эта деятельность не только обеспечивала благоприятную судьбу души, но и оставляла прочную и долговременную память о купеческих родах на земле. Даже вера в чудо спасения от угрозы смерти, возрождения и продления угасающего рода в купеческой среде соединялась с надеждой на то, что щедрость церковных ктиторов будет оценена небесами и людьми.

Примечания

¹ Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999. С. 190–201.

² Хейзинга Й. Осень Средневековья: Исслед. форм. жизн. уклада и форм мышления в XIV и XV вв. во Франции и Нидерландах. М., 1988. С. 149–163.

³ Цит. по: Древнерусская притча / Сост. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной. М., 1991. С. 46.

⁴ См., например, иллюстрированную повесть об Ионе в синодике Переславского Троицкого Данилова монастыря 1672 г. (Переславль-Залесский государственный историко-архитектурный и художественный музей заповедник. Инв. № 4288).

⁵ См., например: Сказание о посаднике Щиле. Конец XVII в. // ОР РНБ. ОЛДП. Q.134.

⁶ Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 1. СПб., 1860; *Титов А. А.* Повесть о Щиле (Новгородское сказание). М., 1911.

⁷ ПЛДР. Кн. 1. М., 1988. С. 79–94.

⁸ О нем подробнее см.: *Заозерская Е. И.* Вологодский гость Г. М. Фетиев: (из быта торговых людей XVII в.) // Записки ГРМ. Т. 1. Л., 1928. С. 195–212.

⁹ ОР РНБ. ОЛДП. Q.199.

¹⁰ О нем подробнее см.: *Бахрушин С. В.* Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке // Изв. Т. 8. М., 1940. С. 97–128; *Федорычева Е. А.* Церковь Николая Надеина в Ярославле. М., 2003.

¹¹ *Брюсова В. Г.* Фрески Ярославля XVII — начала XVIII века. М., 1983. С. 38.

¹² Там же. С. 40–41.

¹³ *Рутман Т. А.* Храмовоздатели церкви Ильи Пророка Вонифатий и Иоанникий Скрипины // 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле: 1650–2000: Ст. и материалы. Ярославль, 2001. С. 7–15.

¹⁴ *Брюсова В. Г.* Русская живопись 17 века. М., 1984. С. 98.